

ИЛЬЯ ПРУСЛИН НЕИЗДАННОЕ...

Илья Пруслин
Неизданное...
Рассказы, повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23463259

ISBN 9785448389412

Аннотация

В эту книгу включены ранее неизданные рассказы автора, а также фантастическая повесть о странной любви «Авегро». Автор надеется, что книга доставит вам истинное удовольствие!

Содержание

Прятки	5
Секретер...	11
Ах, Одесса!...	19
Сон...	33
Как мы с Даниськой за елкой ходили...	42
Верушка...	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Неизданное...

Рассказы, повесть

Илья Пруслин

Дизайнер обложки Alex Burkatovski

© Илья Пруслин, 2017

© Alex Burkatovski, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8941-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прятки

Напротив моей шестнадцатизажки, перпендикулярно ей, метрах в тридцати-сорока стоит еще одна, точно такая же... Башнями-близнецами их, конечно же, не назвать, но исключительно по причине их малоэтажности. А так – как две капли воды...

По вечерам частенько выхожу я на балкон своего одиннадцатого этажа покурить, облакачиваюсь на поручень и смотрю, смотрю, смотрю... Поймите правильно меня – это не какое-то специальное подглядывание. Это просто то, что происходит на моих глазах...

Расстояние от моего дома до соседнего именно такое, чтобы не было возможности человеку с нормальным зрением рассмотреть подробностей происходящего в вечерних окнах напротив... И именно такое, чтобы видеть силуэты, движения, догадываться и додумывать, что же там на самом деле происходит?...

Больше всего, я люблю смотреть на окошко десятого этажа... Это кухня. Шторы там расположены таким образом, что в оставшемся светлом высоком равнобедренном треугольнике можно разглядеть обычную, незамысловатую жизнь... Полную каких-то простых вещей, действий и диалогов, неслышных уху, но так отчетливо представляемых, как будто и ты сам находишься временами на этой малень-

кой, 9-метровой кухоньке, с чистым, накрытым к ужину столом, с подкапывающей из крана водой, бормочущем в углу телевизором...

Живет тут такая же обычная семья. Муж, жена, их маленькая (годика 3, наверное) дочка, иногда появляется пожилая женщина, но не часто – бабушка, наверное, приезжает в гости... Я даже придумал для всех для них имена... Молодого мужчину – крепкого и с модной трехдневной щетиной – называю про себя «Лешей». Жену его – худенькую, наверное, очень красивую брюнетку с коротенькой стрижкой – «Катенькой». Девочку – всегда подвижную, веселую, теплую – «Лизочкой». Бабушку – просто «Свекровью» – по моему, это все-таки «Лешина» мама...

Вечером ребята собираются на кухне, ужинают, смотрят телевизор... Просто болтают... «Лизочка» часто забирается к «Леше» на колени и он ей рассказывает что-то доброе... «Лизочка» слушает, слушает и вдруг – смеется. Смеется так, как умеют смеяться только дети... И «Катенька» тоже смеется... Причем точно также... Видно не растеряла она еще этой вот детской способности... И «Лешка» тоже подхватывает этот общий, такой домашний смех!... Здорово!...

Проходя мимо «Лешки» «Катенька» обязательно должна коснуться его – рукой, краешком халата, кончиками волос... Просто коснуться... или поцеловать – легко так, легко, именно что мимоходом, но так ласково и нежно... И «Лешка» такой же – обязательно или ущипнет легонько ее за попку, или

чмокнет в коротко стриженный затылочек... А уж «Лизонька» -то – так та вообще, так обласкана, зацелована и затискана, что прямо удивляешься – как не откусили еще от нее такой сладенький кусочек?...

А еще... еще они очень любят играть в прятки! Например, «Лизонька» с «Катей» уходят в другую комнату, и там – водят. А «Лешка» прячется на кухне, пытаюсь засунуть свое большое, грузное тело то под маленький кухонный стол, то за угловой диванчик... А потом приходят «водящие» и ищут его... «Лизонька» по-настоящему, а «Катенька» по-нарошку... А когда находят – сколько же радости!!! «Лизонька» прыгает, хлопает в ладоши, а «Катя» делает «страшные» глаза, говоря, наверное, при этом, как же папа спрятался хорошо, что еле они его вдвоем нашли!...

Потом водят «Лиза» с «Лешкой»... «Катя» остается на кухне одна, долго бродит в поисках подходящего места, и прячется обычно за занавеской... Так что мне ее очень хорошо видно, а вошедшим из комнаты водящим – нет...

Опять повторяется все то же самое. «Лешка» с девочкой заглядывают и под стол, и под диван, и даже, косясь на занавеску, «Лешка» поднимает «Лизоньку» высоко на руки – посмотреть, не спряталась ли мама на люстре! И вот когда дело доходит до окошка, «Катя» выскакивает «вдруг» из-за занавески, «Лизочка» с «Лешкой» «пугаются» и опять – хохот, счастливые детские подскакивания и хлопанье в ладошки. Потом они все обнимаются и идут куда-то в невиди-

мую мне комнату – наверное, укладывать развеселившуюся не в меру девочку спать.

Поздно вечером «Лешка» сидит за столом, облокотив голову на руки, и смотрит телевизор... «Катенька» моет посуду или еще что-то делает по кухне, готовит... Иногда посуду моет и «Лешка». Тогда обычно «Катенька» подходит к нему сзади, обнимает его, прижимается и стоит так все время, пока «Лешка» не закончит свою работу...

Я откидываю окурок красной звездочкой далеко вниз, и ухожу с балкона... Дома меня ждет свой сыночек и жена. Дома меня тоже ждут прятки. И книжки с картинками. И даже своя, такая родная, посуда...

В тот вечер, когда я как всегда курил на балконе что-то непривычное резануло мне глаз... На кухне у ребят было что-то много народу. «Лешкин» силуэт привычно сидел на своем месте, положив подбородок на сцепленные руки, и смотрел на стенку напротив... Наверное телевизор смотрит. А вокруг – то входили, то выходили на кухню и с кухни какие-то люди, носили какие-то тарелки и миски в комнату, сустились у плиты... Наверное, праздник какой-то, подумал я, гости... Только странно, что столько гостей в доме, а «Лешка» смотрит телевизор... Я пошел домой. Вышел на балкон через полчаса. Странно, но «Лешка» сидел все в той же позе... Рядом стояла «Свекровь» и гладила его по растрепанным соломенным волосам, как маленько-

го... Люди все также входили и выходили, кто-то курил у открытой форточки, загораживая мне обзор... Пару раз забегала «Лизочка», плюхалась к папе на колени... Он, не отрывая взгляда от противоположной стены, прижимал ее к себе – крепко-крепко, как не раздавит только...

Прошло еще пару часов... Я снова вышел покурить. Гости уже все разошлись, свет был погашен везде и только в полумраке была видна все та же неподвижная «Лешкина» фигура, не изменившая позы ни на минуту... И еще... Еще... Но чего-то не хватало, что-то изменилось... Ну да... Конечно же не хватает худенькой «Катиной» фигурки, мелькающей по кухне обычно туда-сюда... И не хватало ее весь вечер, как я сейчас понял...

Утром я застал «Лешку» все в том же виде... Напротив за столом сидела его мать, о чем-то говорила ему, поминутно сморкаясь и вытирая большим белым платком глаза... Я ушел на работу и вернулся только поздно вечером.

Сразу же бросился на балкон. В окошке напротив горел свет и за столом сидел «Лешка»... Все так же... Это был не праздник вчера, – с ужасом окончательно понял я.

Еще дня два картина на кухне десятого этажа оставалась практически неизменной... Ел ли «Лешка», пил ли... не знаю... На третий день утром его за столом не оказалось. И в квартире вообще весь день была какая-то подозрительная (зрительная) тишина... Вечером пришел «Леша». Сел на свое место... Заходила «Лизонька», о чем-то как всегда

по-детски весело рассказывала ему. «Лешка» кивал. «Све-кровь» поставила на стол тарелку с чем-то дымящимся и судя по виду очень вкусным... «Лешка» даже немножко поковырялся в тарелке вилкой и пару раз отхлебнул из чашки с чаем... Встал, прошелся по кухне – туда-сюда... Выключил свет, ушел в комнату... Спать, наверное...

Идут дни, проходят недели... Я как всегда курю на своем балконе... А «Лешка» ужинает, играет во что-то с «Лизонькой», разговаривает с матерью, смотрит телевизор... Живет как-то, вобщем...

И только одно очень больно и страшно видеть каждый раз... Как гаснет свет по вечерам, все ложатся спать, а «Лешка» выходит на кухню в одних трусах... Подходит к темному окну и... заглядывает за занавеску – не спряталась ли там его «Катенька»?...

Секретер...

Когда мы с сестрой были маленькие, мы очень часто оставались дома одни. Родители ходили в театры, кино, в гости... А нам в полное распоряжение для наших игр оставалась большая старая трехкомнатная квартира – со всеми ее закуточками, уголочками, потайными местами, шкафчиками, полочками, тумбочками и прочим и прочим... Впрочем, было, где развернуться для разных игр, прятков, обследования всех этих мест со всяческим их интересным и бесконечным содержимым.

В папиной комнате стоял, кроме всего прочего, еще и СЕКРЕТЕР! Само уже слово наводило на мысль о каких-то секретах, спрятанных в нем, внушало благоговейность тайны, и естественно, притягивало мой детский интерес к секретеру больше всего! Тем паче, что залезать в секретер и брать там что-то – было отдельно и строго-настрого запрещено папой! Ну и конечно же самый строгий запрет нарушался мною в первую же очередь, как только мы оставались дома одни.

Какое же это было удовольствие – потянуть на себя тяжелую деревянную откидывающуюся крышку – и в нос ударял запах тайны!... Сейчас я уже понимаю, что запах этот мешался из мебельного лака, которым был покрыт сам секретер, канцелярских принадлежностей (знаете же как пахнут

«простые» карандаши), старых типографских красок и любимого папиного одеколona «В полет». (Он до сих пор, живя уже много лет в Германии, где-то умудряется его доставать!!!)

Чего только интересного не было в папином секретере! Я мог часами перебирать эти вещи, брать их в руки, разглядывать, пробовать их в «деле»... Там был огромный глиняный стакан, наполненный разнообразными карандашами-ручками – от обыкновенных шариковых с колпачком за 35 копеек, до старых-престарых перьевых, с настоящими «плакатными» перьями, измазанными засохшей черной тушью. Здесь же стояли и сами пузырьки с черной тушью и синей штемпельной краской, которая очень необычно пахла и сразу же при открывании обязательно и безнадежно пачкала руки. Тут же лежали и маленькие штапки, для которых эта самая краска и предназначалась... Как любил я, уже все-равно испачканным пальцем намазать этот штапик и поставить на чистой бумаге тысячу раз один и тот же нечеткий отпечаток – «Член Союза Журналистов» или «Член Профкома Литераторов» или еще что-то в этом же роде, с указанием Имени Отчества, а главное Фамилии (точно такой же, как у меня!) и домашнего адреса...

Перепробовав в сотый раз все штапки и печати, я переходил к разным интересным коробочкам... Большинство

из них содержало подарочные наборы – шариковая ручка и механический цанговый карандаш. Это уже были совсем другие, «дорогие» ручки, и беря их и пробуя «в письме» все на той же проштампованной бумажке, сразу ощущалась разница со школьными принадлежностями и возникало огромное желание – поскорее вырасти и стать настоящим писателем, а не мазюкать каждый день в «Прописях» черти чем... Цанговые карандаши же, входившие непременно в набор, все как один отличались одной и той же подлой особенностью... Как только ты нажимал на тугую черную кнопку в основании его, грифель тут же выскакивал на пол и рассыпался на кучу маленьких кусочков, которые приходилось потом ползать и собирать, и запихивать по частям обратно, чтобы папа ни в коем случае не догадался, что я «трогал его вещи»!...

На полочке сверху лежали старые фотографии каких-то незнакомых мне дальних родственников и папиных школьных и институтских товарищей. Их я просматривал невнимательно и вскользь, потому что прямо под ними находилась потрясающая вещь —игральные карты! Я доставал из потертой картонной коробочки пухлую колоду, тасовал и перекладывал карты туда-сюда, распушал их веером в руках и обязательно вспоминал море! Ведь именно там, в Ялте, куда мы ездили каждое лето, на пляже папа с мамой и их друзья и играли в эти самые карты на жестких занозных лежаках,

прижимая колоду тяжелым галечным камешком – от теплого морского ветерка... Вот и сейчас казалось, что из картонной коробочки до сих пор пахнет морским соленым воздухом, я пробовал лизнуть ее и с сожалением понимал, что все это мне только кажется...

А еще, в глубине секретера стоял серый, тоже по-особенному пахнувший, большой жесткий футляр... Я знал что это такое!... Это была папина пишущая машинка «Эрика», вещь, которую он ценил, по-моему, больше всего на свете!... (В качестве лирического отступления – если конечно в таком лирическом повествовании могут быть еще и лирические отступления – расскажу, каких усилий мне стоило уже во взрослом, сознательном возрасте отучить папу от пишущей машинки и доказать, насколько полезнее и удобнее ему в работе будет компьютер! Еще в 98-м году, перед самым отъездом в Германию, он таскал меня за тридевять земель в какую-то контору покупать новейшую электронную пишущую машинку, которая ЗАПОМИНАЛА ЦЕЛЮЮ СТРОЧКУ! за бешеные деньги, на которые можно было по тем временам взять вполне приличный «первый пень» с принтером. И только оказавшись вдали от всех нас и узнав, что по обычной неэлектронной почте письма идут очень долго и крайне нерегулярно, он согласился купить себе чудо техники – компьютер, из-за которого теперь, по-моему, практически не вылезает...)))

Так вот – пишушую машинку «Эрика» из футляра я никогда не доставал. По нескольким причинам. Во-первых, она была очень тяжелая и у меня просто-напросто не хватало сил ее вытащить. Во-вторых, я очень боялся сломать папину машинку, потому что он не раз с серьезным видом сажал меня на колени, когда я подходил к нему во время работы, и объяснял, что лишившись этой машинки, наша семья лишится «куска хлеба»! А хлеб я очень любил (и до сих пор ем с хлебом даже макароны), и лишиться этого самого мягкого и свежего куска, который мама намазывала маслом за ужином, мне очень не хотелось.

Зато я с удовольствием и без зазрения совести разматывал по всей квартире лежавшие здесь же запасные бобины с лентой для этой машинки, перемазывая в ней все ковры, полы и мебель! Наигравшись таким образом, я аккуратно (как мне казалось) сматывал черные катушечки обратно и запихивал в свои коробочки.

И принимался за следующую – не менее интересную, но и не менее пачкучую вещь – пачки с «копиркой». Какая же это была интересная штука! Шуршащие листочки, покрытые краской с одной стороны, можно было использовать для игры в «шпионов»! Берешь два листа обычной бумаги, между ними кладешь копирку, потом берешь на кухне вилку и острым зубчиком «пишешь» на первом листе любые невидимые каракули! Потом поднимаешь первый лист

вместе с копиркой – и вот вам ЧУДО – все что ты только что «невидимо» писал, можно четко рассмотреть на нижнем листе и полюбоваться своими художествами уже воочию! А еще – на самой новенькой копирке оставались явно видимые негативные белые полосы того же самого рисунка! Очень красиво! Но и предательно! Потому что копирка, убранный в пачку обратно после всех экспериментов, когда-то же доставалась оттуда папой для работы... И все тексты «шпионской» переписки читались им с очень большим, мягко говоря, неодобрением! Но в тот момент, когда пишешь вилкой по чистому листу, разве думаешь о каких-то последствиях?...

Да! Один раз я обнаружил в секретере не просто обычную копирку, а цветную! Там были как черные, так и синие, красные, желтые, зеленые шуршащие листики, которые привели меня в такой восторг и предполагали такое огромное поле для творчества, что я долго стоял, не верил своим глазам и все выбирал – с какого же цвета начать!... Но не переживайте за меня особенно – в конце вечера у меня были оттиски всех цветов. По очереди и вперемешку!...)))

Еще в секретере лежали разные ластики, блокнотики, наклейки, зажигалочки, открывалочки, которые папа приносил со всевозможных международных выставок, которые посещал постоянно по роду своей журналистской деятельно-

сти. Эти вещи были просто фантастикой по тем временам, проходившим под покровом «железного занавеса»! Рассматривая их и раскладывая на ковре вокруг, я ощущал себя просто настоящим заграничным мальчиком из самой что ни на есть зарубежной страны! Яркие, непривычно обтекаемой какой-то формы, эти обычные вроде бы мелочи настолько отличались от тогдашнего совкового промышленного дизайна, что сейчас, в наше время, я счастлив приходом капитализма в нашу жизнь хотя бы оттого, что мой сынок может видеть нормальную мировую полиграфию ежедневно за столом, и формироваться как человек, не боящийся оцарапаться об угол телевизора, например.

Но тогда... сидя на ковре... у меня было полное ощущение, что я «попробовал Кока-Колу»! ...)))

Секретер был старый и большой... Откидная крышка его была давно и безнадежно сломана в местах крепления к ней металлических «держалок»... Папа все время ругался на загадочного «производителя» и ЧИНИЛ крышку, засовывая в дырочки от вырванных с мясом шурупов спички, называл эти спички «пробками» и заворачивал в эти импровизированные пробки шурупы все большего и большего диаметра, чтобы крышкой секретера можно было пользоваться не только как крышкой, но и как столом – в этом же и состоит смысл данной мебели! Но «стол» этот, естественно, не выдерживал больших нагрузок и не предназначался для того, чтобы

забывший обо всем на свете мальчик, в исследовательском азарте и с творческой испариной на лбу, вставал на него коленками, чтобы дотянуться до самых дальних и самых заветных глубин... Глубин этого завораживающего «взрослого» мира, под названием СЕКРЕТЕР!...

Ах, Одесса!...

В самом слове уже заложено некое фонетическое противоречие, которое, с моей точки зрения, прекрасно характеризует этот город... Од [е] сса?... Од [э] сса?... Кто-то утверждает, что истинные одесситы говорят только так, кто-то – что глупости все это, правильнее вот так... Даже ни разу не побывав в чУдном и чуднОм этом городе, подсознательно уже чувствуешь, что что-то тут не так, что-то не совсем все просто, что-то очень такое-эдакое, харизматичное, что ли?... Да, обычно харизмой наделяют человека... А тут ей наделен целый город. И для меня город этот – личность, со своим характером, внешним видом, запахом и даже голосом!... Причем, как ни странно, не смотря на то, что слово «Одесса» все-таки женского рода, для меня Одесса почему-то мужчина... Ну ладно, все это психо-лирические заморочки какие-то, никому, наверное, неинтересные... Перейдем лучше к сюжету. Вернее – сюжетам, из которых соткан для меня этот город, к сожалению, навсегда уже потерянный...

Как я впервые попал в Одессу?... Честно говоря, не помню уже... Мне казалось, что в Одессе я бывал всегда... Когда маленьким был – благодаря родителям, конечно... Потом – сам не мог прожить практически ни одного лета без этого города...

С Одессой меня связывает в первую очередь одна потрясающая семья. Мой папа, будучи в некотором роде писателем-сатириком, очень дружил с другим писателем-сатириком, жившим в Одессе, которого звали Даниил Петрович Мильруд (печатался он чаще под псевдонимом Данил Рудый). Может быть кто-то помнит его просто великие афоризмы, например, «Сделал дело – доделай его!», «Человек все может вынести, если его вовремя не схватить за руку»? ... Кому интересно, может полазить вот здесь... Был это замечательный (к сожалению, ныне уже давно покойный), веселый, огромный, настоящий такой одесский человек! У него был большущий живот и настоящая грива черных с сединой вьющихся волос, громкий раскатистый голос с небольшой фрикцией на букве «р», и какие-то непередаваемые просто, наполненные весельем и любовью глаза. Дядя Даня курил. Сказать просто курил – это ничего не сказать. Он прикуривал одну сигарету от другой, практически не пользуясь спичками. Приезжая к нам в Москву, он всегда первым делом шел в табачный ларек и покупал блоков 10 своего любимого «Пегаса». В Одессе, почему-то не продавали эти сигареты, и он таскал их с собой из Москвы всегда. Потом он заходил в магазин и за какие-то безумные по тем временам деньги, покупал огромный пакет кофе «Арабика» в зернах... Молот этот кофе, распространяя по дому неслыханный аромат, и заваривал себе огромную просто чашку... Кофе и сигареты – это, по-моему, все, чем он питался... Этот запах – кофе

и сигарет – навсегда у меня будет ассоциироваться с дядида-
ниным приездом...

Он брал свою огромную чашку, закуривал очередную сигарету и шел на балкон, на котором на маленьком раскладном столике стояла его неизменная спутница – пишущая машинка. За ней дядя Даня проводил практически все свое время. Он отхлебывал громко кофе, затягивался сигаретой, щуря глаз от едкого дыма, стучал что-то свое по клавишам или просто молча сидел, глядя перед собой, и... был счастлив!...

С годами, как говорят – от такого образа жизни, у него развилась гангрена на ноге.. Он ходил уже с палочкой, тяжело передвигаясь с места на место, но до конца дней своих он так и не выпустил изо рта сигарету, так и не изменил своей любимой «Арабике», так и не перестал быть счастливым...

Мама говорила мне, когда заставляла по молодости сопливых лет с сигаретой – «Вот, вот тебе живой пример, дядя Даня! Ты видишь, к чему приводит курение! Ты что – тоже хочешь так же кончить?!!»

А я... да, хоть я и не говорил этого вслух маме, я тоже всегда хотел так кончить... Вот честное слово – хотел умереть таким же счастливым!...

(Кстати, когда я выбирал имя своему сыну, честно скажу, я не долго колебался... Пусть будет счастлив и Даниил Ильич!...)

Все фортыли и тяготы писательской жизни (начиная от прокуренной квартиры и заканчивая постоянным безденежьем «от гонорара к гонорару») разделяла с дядей Даней настоящая писательская жена – тетя Катя. Это была просто добрейшей и светлейшей души, худенькая, скромная и по-еврейски мудрая женщина, для которой ее дом и ее семья – это было все!

Жили они (я, к сожалению, не знаю современных названий одесских улиц, т.к. много лет уже не бывал там, поэтому буду пользоваться теми, что помню) на Советской Армии угол Воровского. Именно так и говорят всегда в Одессе... И всегда очень легко находят друг друга по этому ориентиру... Я жутко удивлялся, потому что никогда не назывался номер дома, а на перекрестке улиц Советской Армии и Воровского, исходя из геометрии, должно быть как минимум 4 угла... Но, тем не менее... думаю, что одесситы и сейчас прекрасно поймут, где находился этот старинный огромный (этажа 4, наверное))) дом. Подниматься нужно было наверх по какой-то узенькой, почти винтовой к верхним этажам чугунной кованой лестнице. А забравшись, наконец, на нее, вы оказывались в большущей квартире, с потолками метра по четыре и просто здоровенными какими-то комнатами, соединенными между собой какими-то темными хольчиками, коридорчиками... Первый раз, по малолетству, я даже заблудился в этой квартире и сидел в какой-то комнате и плакал

под звон трамвая под огромным окном, из которого на улицу рвалась белая тюлевая занавеска... Пока мама не пришла и не «нашла» меня...

Квартира была, конечно же, коммунальная. И в одной части ее жила семья из 4 человек – Милка с мужем и двумя детьми. А в другой части жили Мильруды. Хотя я всю жизнь был просто уверен, что Милка – это какая-то их родственница, потому что жили они всегда так дружно, так общё как-то, как никогда не жили в московских коммуналках... Так вот, в другой части – дядя Даня с тетей Катей, старенькая бабушка (она спала на каком-то раздвижном кресле-кровати в маленькой темной проходной комнатке и была оочень старенькая), старшая дочка Аллка с мужем Гришей и двумя маленькими девочками – Диной и... а вот вторую я забыл уже, как зовут... (((Я потом обязательно позвоню в Америку, куда все они давно переехали (я звоню иногда...), и спрошу... Спрошу знаете у кого?...

У ДИМКИ! Димка – это младший сын, на год меня старше. Ближе и роднее друга, чем Димка, у меня в жизни никогда не было и уже, наверное, никогда не будет! Димка Мильруд был просто копией своего отца, только худым и молодым, конечно...))) Все наши детско-юношеские приключения и шалости проходили вместе, все наши первые курения-выпивания-любови были в одной веселой и дружной одесской компании. Все наши женитьбы-разводы происходили практически одновременно и параллельно, в разных

городах, но обязательно с далеким телефонным участием друг друга... Господи! Сколько всего можно порассказать!... Сейчас вот сижу, вспоминаю... Описанию словами разве это поддастся?...

Можно разве рассказать о первой любви к девочке Ире из нашей большой компании, которая была на пару лет старше меня, и сказала сквозь слезы – нет, мы не сможем быть вместе!... Разница в возрасте, понимаешь, Илюш?.. (мне было лет 15, а ей лет 17 тогда...))) И мы мучились, любили друг друга, гуляли вместе на бульваре теплыми вечерами под оглушительный запах цветущих каштанов, виделись каждый день по 20 раз на дню, но понимали – разница в возрасте, ничего не попишешь!...))) И Димка вечерами на кухне философствовал со мной за последней сигаретой, и успокаивал – ничего, ничего... все еще у тебя будет и девчонки, и любовь... а тут, понимаешь, разница в возрасте...)))

Разве можно описать словами ту настоящую одесскую свадьбу, на которую был приглашен по-моему весь город?... Король пляжных фотографов Одессы выдавал свою дочку за сына Короля одесских «терок»... Знаете, что такое «терка»? ...Это такие маленькие цеха, разбросанные в подвальных чиках по всему городу, в которых специальными камушками-керамзитом в каком-то хлорном отбеливателе терли обычные советские джинсы, превращая их в «импортную ва-

ренку»... Димка тоже когда-то работал на такой «терке»... Помню, как приехал в очередной раз в Одессу и с ужасом увидел его руки – они были синего цвета от джинсовой краски, и краска эта ничем уже не отмывалась... А Димка каждый день вскакивал в 6 утра и мчался по-холодку в свой «горячий цех», а возвращался оттуда часов в 9 вечера с опухшими глазами и руками, потому что надо было работать, надо было кормить молодую семью, в которой родились нежданно-негаданно прекрасные двойняшки... Которых Димку, также как и меня, потом полностью лишили возможности даже видеть...

Разве можно рассказать, как мы закрутили с Димкой «финт ушами», и в начале диких 90-х, решили, что не с Малой Арнаутской нужно возить какие-то шмотки в Москву и продавать их местным лохам, а нашли в Москве через моих знакомых какой-то подпольный цех по пошиву прекрасных «канадских» пуховиков на синтепоне из какой-то жатой цветной материи снаружи. И отправлял я с проводниками туго утрамбованные тюки с десятком-другим этих курток в Одессу, Димка продавал их на вещевом рынке, и присылал мне обратно с теми же проводниками (инфляция была жуткая!) почти точно такие же утрамбованные пакеты с мелкими деньгами – трешками, пятерками, десятками... Когда я приезжал в Одессу зимой и мы с Димкой выходили гулять, то с гордостью считали, сколько процентов из девушек, по-

павшихся нам навстречу, были одеты в «наши» куртки...)))
Но... разбогатеть нам так и не удалось...

О!... А как мы сидели с Димкой у него на кухне, курили, обложившись в клубах дыма какими-то словарями английского языка с экономическим уклоном, и пытались перевести на русский полученный по факсу (!) контракт на поставку сигарет «Мальбро» в Россию... Высчитывали причитающиеся нам посреднические прибыли в размере примерно 20 миллионов долларов, и решали, что будем делать с этими деньжищами?...)))

Я, помню, сорвался тогда в Одессу даже не на поезде, а на самолете, настолько выгодное было предложение! Это было в те времена, про которые ходил анекдот:

«Встречаются два бизнесмена. Подписывают крупный миллиардный контракт по бартеру – один поставляет железнодорожный состав консервов, а другой ему за это поставляет железнодорожный состав леса. Подписали, пожали друг другу руки, выпили по рюмке коньяку. Один пошел искать, где бы взять состав консервов, другой пошел искать, где бы взять состав леса.»

А тут представляете себе – предлагают мне в Москве знакомые иностранцы целый пароход с сигаретами «Мальбро» по цене в 2 раза ниже рыночной, да еще и с отсрочкой платежа! Только проблема, что в Москве пароходу причалить негде, нужен какой-то порт... Ну я, естественно, лечу к Дим-

ке в Одессу, на самый берег Черного моря... Димка говорит – нечего и заморачиваться даже эти сигареты в Москву везти – я их и тут впарю все, да еще и на 10 копеек за пачку дороже, чем в Москве!... Ну вот мы и сидим, факсы переводим с Кипра пришедшие, с калькулятором таким модным, маленьким, на солнечных батарейках... Так и сидели, пока не зашел в гости еще один наш друг общий Борька, и не описал нам в красках и со всем присущим ему чисто одесским красноречием, как нас убивать будут быстро и не больно, не успеет еще пароход к поселку Котовского подойти...

А разве можно описать словами то ощущение, когда я первый раз в жизни встречал в Одессе Новый год?...

Новый год же – это что для нас раньше было?... Это снег, мороз, елка и прочие прилегающие к этому зимние удовольствия... А тут – встречает меня Димка с самолета (мне лет 12 было тогда, то есть 12 Новых годов я точно уже встретил и знал, как они должны выглядеть), выходим мы из аэропорта, а вокруг... зеленая трава! И деревья почти все зеленые... И ветер, хоть и дует с моря, но разгоняя облака, и сквозь них такое теплое весеннее солнышко проглядывает!... А по дороге домой надо было елку купить обязательно, и мы с Димкой заскочили на Елочный базарчик около Привоза... А там вместо елок сосны продаются!... Ну разве ж это Новый год?... А Димка удивляется – чему это я удивляюсь?... Ну ничего, говорю, на следующий год ты к нам при-

едешь! Как же мы все ржали, когда Димку через год на коньки поставили и на лед в Сокольниках вывели, как циркового медведя!...)))

А в тот Новый год я рогом уперся и говорю – ну раз уж все вокруг «неправильно», то первого числа едем на Лермонтовский пляж (мы всегда обычно туда ходили, где камни) и я просто обязан в море искупнуться! Если уж парадоксы, то по полной программе чтоб! Они все долго у виска пальцами крутили, но разве ж меня переспоришь?... Раз решил – значит искупнулся. И не заболел даже!...

А они, кстати, на море даже летом практически никогда не ходили... Я этого не мог конечно понять мозгами... Для меня, человека, который с морем единое целое просто, пропустить целый день и не сходить (а вернее не съездить на знаменитом одесском трамвае) на пляж??? Ну да Бог им судья!...)))

А тот знаменитый случай, когда я закончил школу и решил, что стал уже взрослым совсем и нечего мне жить у тети Кати, а надо вести свободный образ жизни, как и полагается взрослому человеку!...

Мы тогда приехали в Одессу втроем – мама, сестра и я. Димка встретил нас на вокзале, где мы благополучно и разделились. Мама, сестра и Димка поехали к ним домой, а я (предварительно запасшись в Москве командировочным удостоверением из своей редакции) направился напрямиком

в лучшую тогда интуристовскую гостиницу «Юность», где и был принят администрацией с распростертыми объятиями, но с формулировкой – Извините, одноместных номеров у нас сейчас нет, к сожалению, и все что мы можем вам предложить – это двухместный... Но там один очень хороший человек проживает (по секрету – кгбшник из Кишинева). А завтра мы вас в одноместный обязательно переселим! (Все-таки «корреспондент из Москвы» приехал, не хухры-мухры, хоть и молодой!)

В номере и правда оказался нормальный дядька в тренировочных и майке. Познакомились. Он говорит: «Слушай, Илюха! Тут такое дело... Мне вот тут хорошие люди одни презентовали очень хороший домашний коньячок! А ты понимаешь, я пить один ну никак не могу – не лезет в меня в одиночку и все тут!... Давай дернем с тобой за знакомство?...» Ну я поломался сначала, как и полагается, мол, не пью (я и правда тогда практически не пил еще), но я же взрослый и самостоятельный в этот раз в Одессу приехал, поэтому долго ему меня уговаривать не пришлось...

Достает дядечка откуда-то из-за тумбочки 10-литровую пластмассовую канистру с коричневой жидкостью внутри... Из рюмок в номере были только стаканы для чистки зубов... Вот по полстаканчика он наливает, и – поехали... Потом еще разок, потом еще... Дядьке хорошо стало, весело... Случай из практики рассказывает (не секретные, конечно, а курьезные какие-то) ... А я чувствую – уносит меня куда-то с та-

кой скоростью, что врагу не пожелаешь!... Как же мне было плохо! Как же меня рвало на Родину, пугая белого друга-унитаз... Я думал, что вот, пришла моя смертушка, сейчас я здесь и кончусь, вывернет меня наизнанку, а этот кбшник будет по сортиру кишки мои потом собирать...

Утром таксист привез меня полуживого на Советской Армии угол Воровского... С тех пор – многие из вас знают – я не пью вообще никакой коньяк, ни французский, ни армянский, ни тем паче молдавский... Даже нюхать его не могу... Хотя прошло уже больше 20 лет давно...

А как рассказать обычными словами о том, как мы ходили на «пикник» на море и варили там на костре только что выловленные мидии?... Варили в морской же воде в котелке, а потом ели их «с удовольствием» (я только один раз смог попробовать), считая себя настоящими французами!... Какое же было у меня удивление, когда я впервые после этого попробовал настоящие морепродукты в ресторане города Ницца! Я понял, как жестоко обманывали меня Димка с Борькой все детство!...)))

Я не знаю, как все это я смогу описать словами и удастся ли мне донести до вас то, что значит для меня Одесса?...

А уж совсем я не знаю, как описать 93-й год и сцену в аэропорту Шереметьево-2... Димка... со своей красави-

цей второй женой Ирккой, ее бабушкой в инвалидной коляске, с овечкой-пуделем Бонни на длинном поводке, егозящим и прыгающим по всему залу и дрожащим всем телом, словно лучше всех понимающим, что это НАВСЕГДА... Страшное слово... Тогда люди уезжали НАВСЕГДА...

Я знал, что еще 2 часа и я больше никогда в жизни не увижу своего Димку!... Я знал, что еще час и он будет стоять уже по ту сторону суровой советской границы, где я, еще видя его глазами, уже никогда не смогу дотронуться до него рукой... Я знал, что еще полчаса и...

– Ты представляешь, какая жопа, Илюх?... Оказывается, что Бонни-то без клетки в самолет не пустят! Что делать-то??? Ирка с ума сойдет, если мы его тут оставим! На него и документы уже все оформлены, и гемморюю я на этом оформлении нажил больше, чем на документах для людей... Что делать-то?...

И вот – у нас осталось всего полчаса, а я вместо того, чтобы сказать Димке что-то вроде «Тебе подложили мокрый порох!», ношусь по Шереметьево в поисках какой-то дурацкой клетки... Нахожу ветеринарный контроль, с трудом и долго договариваюсь, что продадут они нам эту чертову клетку... Несусь обратно, мы в последний раз с Димкой выворачиваем все наши карманы и скидываемся, как обычно, всею наличностью, которая у нас есть... Несусь обратно, сую деньги ветеринару, хватаю хренову эту клетку, несусь к таможене...

Они.. Они уже проходят, очередь уже подталкивает сзади их траурную процессию из притихшей бабушки-старой коммунистки, визжащей Ирки, ничего не понимающей, куда ее пихают, собаки и Димки... захлопывающего дверцу клетки, и оказывающегося по ту сторону границы... Я даже не успел обнять его...

Больше я Димку никогда не видел...

С тех пор я больше ни разу в Одессе не был... И не поеду, даже не уговаривайте меня... И не потому, что теперь это другое государство (бывали и подальше), и не потому, что город, как говорят и показывают по телевизору, «расцвел и изменился в лучшую сторону с приходом в него капитализма»... Нет... Я не поеду больше туда потому, что мне просто не к кому туда ехать... Ах, Одесса... (((

Сон...

Знаете, бывают такие сны – из разряда кошмаров, которые приснятся, вскочишь среди ночи весь в холодном поту, и никак успокоиться не можешь – настолько ощущение сильное, что все это в реальной жизни происходило, настолько помнишь каждую детальку, каждое слово, каждый цвет и запах, последовательность событий и чувств, посетивших тебя в этом сне...

Сейчас около четырех часов утра... Пока не напишу все это – уснуть снова точно не смогу... Вы прекрасно знаете меня, знаете мое отношение ко всякой мистике и потусторонщине, знаете, что все и всегда, любые фортыли, выкидышаемые подсознанием, я пытаюсь объяснить какими-то реальными причинами, связанными с наукой-психологией... А тут... Даже в глубоких-далеких мыслях ничего подобного у меня быть и не могло... И кино никакого страшного не смотрел, и не пил вечером ни капли, даже особо тяжелой пищи на ночь не наедался... Ну ладно, по порядку рассказываю, раз уж доктор Фрейд молчит и в ус не дует для того, чтобы мне помочь...

Началось все с того, что я где-то забродил-загулял до поздней ночи... Можно сказать время под утро уже, а оказался я почему-то недалеко от маминого дома... Времени

часов около шести уже, ехать на другой конец Москвы не хочется... Достāju мобильник, набираю маме.

– Не спишь?... Я тут рядышком, давай к тебе зайду и переночую?...

– Конечно заходи! Ты же знаешь, как я тебе всегда рада!

Поднимаюсь наверх, захожу в квартиру... Мама встречает меня в ночной рубашке, ведет на кухню, ставит чайник... Делает бутерброды... Странно, но по ней видно, что она не спала – свет горит торшерный у кресла, в кресле валяется совсем теплое вязание какое-то...

– А ты чего не спишь-то так поздно (рано?), – спрашиваю я.

– Да вот никак не могу заснуть, все переживаю сию...

– О чем ты переживаешь-то? Чего случилось?...

– Да, переживаю за одного человека... Бандит он... Только его немножко подлечим, только ему полегче станет, так он бежит тут же и очередную гадость какую-нибудь сделает... Вот и вчера – только полегчало ему – пошел и ограбил кого-то... Вернулся – плохо ему... Жалко его – все-равно помочь-то ему надо... И знаю, что опять пойдет... Вот сию и переживаю, не знаю что и делать...

Я сию – с открытым ртом, глазам-ушам своим не верю!

– Ты чего несешь-то?... – от растерянности почти грубо спрашиваю я. – Какой бандит??? Кто это «мы»? ... От чего и как лечим?...

– Ну... – как-то уклончиво начинает мама, – у меня те-

перь есть новое занятие такое... Я стараюсь определенным людям помогать... Облегчать им страдания... Это меня отец (как имя этого отца – единственное, что я не помню из сна, но имя она точно назвала) научил...

– Что-то я ничего не понимаю... Каким людям, какой отец, какие страдания??? Ты можешь без экивоков всяких, вразумительно рассказать?...

– Ну, понимаешь, бесы в некоторых людях селятся... Вот мы и помогаем им с ними справляться как-то...

– У тебя что – совсем с головой нехорошо, что ли??? Какие бесы??? Ты чего городишь-то??? Это кто тебя научил?... В секту что ли какую-то тебя втянули на старости лет???... Я догадываюсь даже, кто это может быть!... Это, небось, подружка твоя, Ольга Алексеевна, очередную хрень какую-нибудь придумала! (Реально есть у мамы такая подружка – Ольга Алексеевна, вижу я ее раз в два года, наверное, и то по случаю... В принципе нормальная баба... Бывают у нее, конечно, какие-то фольклорно-народные заскоки небольшие – в хоре, например, она поет – но не более того... А тут я прямо чувствую – ну точно Ольга маму на что-то ненормальное подбила!... Почему вдруг?.. С чего?...)

– Ну признавайся – точно ведь она придумала?...

Смотрю, мама вроде бы как задремала, а понимаю, что она просто вид делает, чтобы на вопрос не отвечать... Тормошу ее, не даю спать, пока не ответит...

– Да нет, что ты, это не она... – а сама глаза в сторону

отводит – ну точно значит Ольга это, просто говорить не хочет...

Вдруг слышу – грохот какой-то в соседней комнате.

– Что это?... Кто это у тебя нам?...

– А, это просыпаются они. Это Степан, очень хороший человек, сейчас познакомлю.

Смотрю – в коридоре начинают появляться какие-то люди.. Какие-то увечные – кто без руки-ноги, кто с головой перевязаной, кто кривой-косой...

Деды какие-то бородатые, тетки толстые...

Выходят изо всех комнат, кто своими ногами, кто на коляске инвалидной выкатывается... Утро уже, светло со всем – у ванной комнаты столпились в очереди умываться.. Галдят о чем-то... Прямо как общежитие какое-то или приют для убогих...

У меня просто волосы дыбом!

– Мама! – говорю. – Что тут у тебя происходит???

– Это очень близкие и дорогие мне люди. Я им стараюсь помочь. Вот этот вот, бородатый дедушка – мне вообще родной папа, и вот эти двое старичков... А эта женщина – ее Роза зовут – мне как мама родная стала... Это все очень близкие и очень несчастные люди!.. Ты не сердись, ты скоро все поймешь и не будешь осуждать меня... Как же мне не помогать им, когда они так больны и так нуждаются в моей помощи?... А у меня – получается! Получается облегчить их страдания! – с гордостью и радостью говорит мама. – Я хоть

и не очень сильна, но хоть что-то у меня выходит! Хоть чем-то могу помочь им...

А фантазмагрия продолжается тем временем в квартире! Все суетятся, включили какое-то радио, толкуются уже на кухне, варят какие-то каши в кастрюльках, по-утреннему гомонят... Впрочем, чувствуют себя как дома... (А надо отметить в скобках, что мама у меня живет в очень элитном доме на Ленинском проспекте, «Аркада-Хауз» называется, где обычно проживает совсем другая публика, и поэтому все происходящее выглядит еще фантастичнее!) Один из бородатых дедов вдруг достает откуда-то то ли гармошку, то ли баян какой-то, начинает играть на нем и орать какие-то песни во все горло!... Остальные подхватывают нестройным сумасшедшим хором!... И у всех этих людей я вижу в разных местах тела какое-то непонятное ядовито-голубое свечение, как буд-то сгустки какой-то энергии... Но вижу очень отчетливо...

Я в ужасе бегу в какую-то свободную комнату. Мама за мной, все пытается мне что-то объяснить по дороге...

В комнате на диване сидит девочка лет двенадцати-тринадцати... Тихая, скромная, белокурая... Глазенки горят каким-то добрым ласковым, доверчивым взглядом...

– Кто это?... – спрашиваю у мамы.

– Это Полина. Очень хорошая девочка.

(Единственное, что могу объяснить, откуда могло взяться имя Полина – вчера на концерте Бутусов пел «Утро Поли-

ны», а песня эта мне очень нравится и очень взяла за душу. Тут вот как раз подсознание могло вытолкнуть его наружу... Но все остальное?...))

Дальше – круче!... Смотрю, вдруг взгляд у Полины этой меняется, какая-то сумасшедшинка в глазах появляется, тревога внезапная... Чувствую – девочке плохо становится...

Подошел, сел рядом, обнял ее за плечики хрупкие... Она дрожит все сильнее...

– Привет, говорю, как тебя зовут?... Меня Илья. А тебя?...

– А меня Ваня зовут! – говорит она неожиданно грубым мальчишеским голосом. – Мне стыдно! Стыдно! Мне плохо! Я делаю очень плохие вещи!

– Ну что ты говоришь, Полиночка, какие плохие вещи ты можешь делать, – пытаюсь я успокоить ее, – ты же такая хорошая, красивая девочка!...

– А это не она! – говорит мама. – Это Ваня говорит, который внутри ее живет! Он и правда очень плохой мальчишка... Совершил что-то ужасное, страшное.. А что – ни Полина, ни сам Ваня не рассказывают... А Полинка очень переживает из-за этого, изводит себя!...

«Ну явная шизофрения, да еще и в очень запущенной форме!» – думаю я.

А девочке все хуже и хуже прямо на глазах становится. Я прижимаю ее к себе крепко... Вдруг вижу – в районе живо-

та у нее тот самый сгусток голубого свечения этого, явно какой-то отрицательной энергии сгусток! Кладу руку ей на живот, начинаю медленно, успокаивающе гладить...

– Хорошо, хорошо... Погладьте мне вот так еще, – говорит вдруг Полина нормальным почти голосом, – мне мама всегда вот так в детстве животик гладила и мне легче становилось!...

– А где твоя мама?...

– Она умерла! – выкрикнул Ваня.

Я продолжаю успокаивающе гладить живот, чувствую рукой, как синий сгусток этот прицепляется к моим пальцам, как буд-то примагничивается и тянется за ними... Я поднимаю руку чуть выше – и сгусток поднимается выше вместе с рукой... И чем выше я веду – к грудной клетке, к шее – тем девочке становится хуже, ее начинает не просто трясти, ее начинает колтить, все тело охватывают судороги страшные!... Я каким-то образом понимаю, что останавливаться сейчас нельзя, что я обладаю такой силой, которая может, если я пойду до конца, вывести этот сгусток ужасный из ее организма окончательно!... И в то же время я понимаю, что все остальные «лекари», которые помогают этим людям, включая маму и Ольгу Алексеевну, не могут делать того, что могу я... Они в силах только временно заглушить эту боль, успокоить активность свечения. Я же вижу, как мама смотрит на меня во все глаза из-за того, что я просто совершаю Чудо! Кто-то подоспел и держит девочку за ноги, я свободной

рукой с огромной силой фиксирую ее тело и руки, бьющиеся в конвульсиях. Огромным усилием воли поднимаю сгусток все выше и выше до тех пор, пока он не выходит наружу через рот и не оказывается у меня на руке! Я стряхиваю его в открытую форточку, подальше от себя и ото всех, кто находится рядом!

Полина в ту же секунду успокаивается, тело ее расслабляется, лицо светлеет как-то, и она засыпает крепким-крепким сном младенца...

А теперь два очень четких, практически реальных ощущения, которые я испытал в тот момент, когда сгусток вышел из девочки и оказался у меня в руке.

Первое – я совершенно отчетливо понял, что в это самое мгновение девочка Полина стала мне одним из самых родных людей на свете!

Второе – я почувствовал, что совершил сейчас нечто сверхъестественное, но!.. Я очень четко осознал, что не должен гордиться тем, что я сделал! И это вот понимание произвело на меня, по-моему, самое сильное впечатление! Именно понимание и осознание греховности такой гордыни!

В эту минуту я проснулся просто в ужасе! Такие реальные, четкие, запоминающиеся кошмары мне не снились никогда в жизни!

Вот – сейчас уже пять часов... То есть часа полтора я

все это пишу... Во сне, насколько я знаю, время бежит совсем по-другому... Скорость мысли намного быстрее скорости света...

Можете, конечно сейчас смеяться и издеваться надо мной, считать, что у меня крыша съехала... Не знаю... Может быть сейчас лягу снова спать, завтра проснусь, прочитаю все это – и сам над собой смеяться буду...

Как мы с Даниськой за елкой ходили...

Эпиграф:

Семья-то большая,

Да два человека

Всего мужиков в ней —

Сынок мой, да я... (почти (с))

Выдалась суббота... А значит – день для совместного семейного времяпрепровождения. Чем могут заняться два мужика в семье в конце декабря?... Ну конечно же, оставив маму дома, пойти на большое детское приключение – добывать елку!...)))

– Конечно же елку лучше покупать, когда повсюду лежит белый пушистый снежок, а еще лучше, если веет несильная метель и вокруг кружатся большие волшебные снежинки! – так рассуждали два мужика, взявшихся за руки и обходя огромные противные лужи на мокром и грязном асфальте. – Но ничего, ничего! – подбадривали они себя, – дяде Алексу и тете Ксюше сейчас на Карибах приходится еще тяжелее!...

Идти, по меркам привыкших передвигаться на личном транспорте мужиков, до елочного базара было далеко –

из одного конца улицы Галушкина к другому. То есть метров 500, наверное. Путь неблизкий – поэтому мама одевала нас дома долго, с усердием и пристрастием. Повязывала шарфы, нахлобучивала капюшоны, проверяла – на месте ли варежки. Плюс 2 на улице аргументом с нашей стороны не являлось, как и то, что тащить огромное и тяжелое дерево домой лучше в более-менее спортивном виде, чем в костюме колобка, нарядившегося снеговиком... Но весь 4,5-летний опыт жизни Даниськи доказывал ему, что спорить совершенно бесполезно, и наряжался он уже покорно и даже с каким-то нехорошим удовольствием...

Наконец в перспективе улицы замаячил елочный базар. Торговля, не смотря на временную отдаленность праздника, шла достаточно бойко. Очереди, конечно, не было, но не успев проводить одного покупателя милой золотозубой улыбкой и пожеланием «Счисляваго Новага года!», ближнезарубежный продавец тут же принимал в свои праздничные объятия следующего. Ощущение было такое, что елки растут у нас только на берегах Каспийского моря, и «выращенные своими руками» наконец-то добрались до далекой российской столицы.

– Ну иди, говори... – подтолкнул я Даниську, чтобы он выдал заготовленную заранее речь, а заодно и получил некоторый урок общения с посторонними людьми, что при его «домашности» очень невредно.

– Здравствуйте! С Новым годом вас! Нам нужна елочка очень маленькая, но очень красивая и пушистая! – выпалил на одном дыхании ребенок и снова спрятался за папу.

– Мэтра два-два с палавыной устроит тэбя, малиш? Это самый маленький елка, какой у нас эсть!...

– Не, – говорю, – два метра это нам многовато, у нас потолки низкие. А что-нибудь поменьше?...

– Мэнше не бывает! Но я вам помогу! Вот бэрите эту красавицу, а ныжные ветки я вам щас сам своэй пылой отпылю! Будыт маленький и пушистый вэрх тока для вас!

Куда деваться – согласились, конечно. Раз уж «своэй пылой»... Да еще и упакует все (нэдорого, всэво 30 рублэй за упаковку!). Тогда я понял, что основной бизнес, коечно, на этой самой упаковке и состоит. Покупается рулон полиэтиленовых пакетов для мусора рублей за 80, а каждый пакет отдельно продается по 30. Чтоб я так жил!...)))

По рукам! Ветки отпилены и аккуратнo в кучку сложены, елка в пакете, все довольны.

В этот момент произошел небольшой социальный инцидент. Около базарчика стоял старенький, скромно одетый, но очень приличного вида дедушка, и с завистью наблюдал за нашей покупкой.

– Извините, а можно я эти веточки вот отпиленные возьму?... – обратился дедушка к продавцу.

– Нэт! Эти ветки нам нужны тут! – ответил продавец и от-

вернулся от бабушки пересчитывать наши деньги.

Тут мой сын выдал совершенно незапланированную заранее речь:

– Так, а мне казалось, что это не ваши а наши веточки! Вы же их только что с нашей елки отпилили! Берите, бабушка, берите и с Новым годом вас!...

Продавец нахмурился, а я поцеловал крепко ребенка в щеку! Молодец сынок!

Засобирались в обратный путь. Перешли дорогу. Сын остановился и спросил меня:

– Пап, а этот дяденька-продавец с нами все время на каком языке разговаривал?...

Тащить елку решено было вместе – два мужика, так два мужика. Никому никаких скидок и отлыниваний. Даниська схватился за толстый конец дерева двумя своими варежками и мужественно не отпускал его до самого дома, хотя по лицу и было видно, как он устал. Но на вопросы – Не устал, мужик? Передохнуть не хочешь? Может я понесу? – однозначно отвечал – Ну, пап, мы же вместе с тобой за елкой пошли, значит вместе ее и домой должны принести. Чтобы мама офигела – какая у нас пушистая красавица!...

Возразить было нечего.

У лифта долго шептались:

– Пап, а давай сейчас спрячем елку тут за дверь, мама откроет и спросит – а где елка? – а мы скажем, что нам не досталось. Она только расстроится, а мы тут как рассмеемся ей, да как покажем ей елочку нашу!!! Вот тут она и офигеет!

Мама и правда офигела. Особенно после литра выпитого распаренным и запыхавшимся Даниськой сока, брошенной в коридоре куртки, и затаскивания в грязных сапогах зеленого дерева в комнату...)))

Потом – наряжали... Папа прикрутил елку крепко накрепко. (Рассказываю вам, кстати, очень хороший рецепт установки елки в качестве лирического отступления. Рецепт этот рассказал мне еще в детстве дедушка, кто ему – не знаю, но я всю жизнь ставлю елку именно так. Берете обычную табуретку на 4 ножках, переворачиваете ее вверх ногами, и ставите на пол. В образовавшееся пространство между ножек ставите ведро с водой. В него втыкаете елку, и растягиваете ее веревками крест-накрест между ножками табуретки! Железная получается конструкция – не опрокинет никогда ни ребенок, ни собака или кошка! Можно хоть посреди комнаты ставить!).

Повесили гирлянду с красиво переливающимися огоньками. Даниська всем по очереди демонстрировал, что он знает, как управляться с этим сложным прибором и как переключать разные режимы мерцания огоньков. На неосторожное

слово мамы – лампочки – тут же возмущенно заметил ей, что пора бы уж знать разницу между лампочками и обычными светодиодами!..)))

Потом вешали игрушки и мишуру...

Потом выключали свет и любовались...

Потом обедали...

Потом легли спать, и всем снился Новый год!...

Верушка...

Сколько раз уже давал себе зарок, брал с себя самого обещания, клялся и божился – не заигрывать с «нехорошими» темами, не писать о смерти, не провоцировать одно из самых распространенных явлений в литературной фантастике – сбытие (сбычу?... сбывание?... Word не подчеркнул «сбывание»... ну пусть будет сбывание) авторских замыслов в реальной жизни... Но... Я пишу о том, что происходит вокруг меня и со мной... А значит... Значит снова мне нужно садиться, открывать чистый файл и с красной (от слова «кровоавой», наверное) строки снова писать про смерть... Смерть очень близкого и дорогого мне, практически родного человека...

Надо садиться и писать... Я должен написать... Я не могу не написать, хотя и очень не хочу этого... Я должен это написать для вас, но в первую очередь, конечно же для себя... Как-то выплеснуть все это наружу, как-то вылить на окружающих, когда каждому достанется по очень маленькому кусочку этого горя и всем будет немножко, но не сильно больно... Ведь, наверное, именно из-за этого и придумано было такое выражение – «делиться с близкими»... Может быть и я вот сейчас – поделюсь, и меня хоть немножко отпустит... хоть немножко станет легче жить дальше, все равно понимая, что после 25-го октября этого года жизнь моя

и многих-многих близких мне людей очень четко разделилась на «до» и «после»... И с этим уже ничего не поделаешь... С этим надо только жить... С этим надо учиться жить...

Время опять выкинуло свой очередной фортель... Прошло всего пару дней, а вместили они в себя целую вечность... За всю нашу с женой Надей совместную жизнь я, наверное, столько раз не брал ее за руку, как за эти несколько дней, и не шептал ей (может быть и мысленно) эти слова: «Если сейчас будет очень-очень больно, то сожми мою руку так крепко, как только сможешь... Сожми ее и держи... А я буду держать твою... И тоже сжимать до побеления пальцев... Просто чтобы не было так больно... Просто пусть лучше болят сейчас наши руки, чем вырывается наружу сердце, пробивая насквозь душу вместе с грудной клеткой... Сжимай... крепко-крепко, как только можешь...»

В четверг утром я ехал на работу в прекрасном настроении и добром расположении духа. Солнышко пробивалось сквозь осенние уже совсем тучи и радовало последними какими-то, слишком уж теплыми, прощальными лучами... В этот день у одной нашей сотрудницы, очень милого и хорошего человека, был день рождения... И я остановился возле цветочной палатки, тщательно и с душой подобрать для нее праздничный букет... Белые тюльпаны и фрезии – наверное,

будет хорошее сочетание?... И еще вот такую вот сеточку нежно зеленого цвета...

Раздумья мои прервал телефонный звонок (я уже несколько дней после этого боюсь подходить к телефону, хотя звонит он буквально каждые пять минут и подходить приходится...) с очень характерной мелодией – многие из вас слышали, наверное, не раз ее – звонила моя жена... Сейчас скажу ей, чем занимаюсь, спрошу, одобрит ли она мой выбор, – подумал я и снял трубку...

– Илюша!... Ты едешь сейчас?... Остановись, пожалуйста!... – прозвучало в трубке, и после этого уже слышался только один сплошной вой и плачь...

– Надя, Надя!!! Что случилось??? Ты можешь мне сказать или нет??? – Господи, что я только не успел передумать за те несколько мгновений, пока она находила в себе силы успокоиться хотя бы на столько, чтобы суметь произнести: – Вера... Верушка наша погибла!... Разбилась на машине!... Илююююююша!!!!!!...

«Если сейчас будет очень-очень больно, то сожми мою руку так крепко, как только сможешь... Сожми ее и держи... А я буду держать твою... И тоже сжимать до побеления пальцев... Просто чтобы не было так больно... Просто пусть лучше болят сейчас наши руки, чем вырывается наружу сердце, пробивая насквозь душу вместе с грудной клеткой... Сжимай... крепко-крепко, как только можешь...»

Какая она была – наша Верушка?... Святая, наверное... Никогда не обращали внимания на то, что безгрешные люди обычно долго не живут?... Умирают или погибают молодыми... Может быть им просто неуютно тут, с нами, в одном мире с грешными по определению своему и делам своим?... Может быть они рождаются, приходят к нам только для того, чтобы показать – как надо жить, установить планку, про которую мы не должны все-таки никогда забывать и хоть чуть-чуть стараться равняться на которую?... А может быть это я все просто выдумываю, фантазирую... но я настолько искренен сейчас, до такой степени, когда и мысли, и реальность находятся на одном необъяснимом уровне, и называемом, наверное, истиной...

А чтобы не быть голословным... Знаете, вот есть такие люди, которых все и всегда приглашают стать у себя свидетелями на свадьбе?... Которых все и всегда приглашают в крестные к своим детям... Про которых очень многие люди могут сказать – она моя лучшая, самая близкая подруга... Вот именно такой и была наша Верушка – красавица (поверьте уж мне!), умница, добрейшей души и глубочайшей совести молодая девушка...

Она, кстати и у нас на свадьбе была свидетельницей, потому что ближе, чем она нет, не было и никогда уже не будет у моей Нади человека... И вот то же самое, слово в слово и с такими же точно чувствами могут сказать про нее

еще, наверное, десятка полтора человека, с которыми мне довелось пообщаться в эти последние скорбные дни!... И поверьте, как-то умела она построить свои отношения с окружающими, что не возникало практически никакой ревности между этими вот людьми... Верушка не делила себя поровну между ними, а каким-то необъяснимым образом умудрялась отдавать себя каждому из них практически без остатка!... Мне до сих пор не понятно, как же объяснить такое чудо, такую фантастическую просто способность, умение, а главное, желание быть самой близкой для всех окружающих!... Умение и желание любить!...

Она никогда ни с кем не ругалась, никогда не спорила, всегда старалась идти на какие-то компромиссы, часто поступая в ущерб себе и своим желаниям, но только ради того, чтобы было хорошо и комфортно ее близким... Естественно, у нее были молодые люди, друзья, «жёнихи», как мы шуточно называли их между собой... И вот я не могу назвать ни одного человека, с которым бы она «плохо» рассталась, с которым бы она не продолжала дружить и очень часто работать вместе (Вера работала в финансовой сфере, услугами которой очень часто приходилось пользоваться нам всем), не могу назвать ни одного из них, кто бы не продолжал, не смотря ни на какие разрывы, искренне и нежно любить ее до самого конца...

Я еще потом, по ходу рассказа, не раз буду возвращаться к тому, какая она была (страшное слово...) наша Верушка...

Я не знал, что сказать в телефонную трубку... Я не знал, как поверить в это, я не мог понять, принять, даже допустить, что такое могло произойти!... Через мгновение слезы двумя очень немужскими ручьями просто брызнули у меня из глаз, заливая букет, не помню уже каким образом оказавшийся в моих руках...

Прошло какое-то время... Я как-то добрался до офиса... Ужасно не хотелось портить день рождения, но, по-моему, все у меня было написано на лице... А – нет, то и слава Богу!...

Сумел снять трубку и перезвонить Наде... Как же так?... Как так могло случиться?... Хотя, какая разница, на самом деле, как там это все произошло?...

Но взялся уже рассказывать... А дело было так. Еще во вторник днем Верушка заезжала к нам на работу. Мне нужно было передать ей какие-то деньги. Когда я вышел из кабинета в общую комнату, то застал там ее у телефона. Как всегда я был «жутко занят», не стал дожидаться, пока она договорит, сунул ей в руку конверт с деньгами, чмокнул в щеку и вернулся обратно к своим «делам»... Минут через 15 мне позвонила Надя... Ты слышал, говорит, какое у Верушки несчастье-то?... Одноклассница ее, из города Кимры, где она жила раньше, умерла от инсульта... Вера к тебе приехала и узнала об этом только по телефону... Поэтому и убе-

жала, не попрощавшись... Они сейчас со Светкой, их одноклассницей и нашей общей подругой, и еще одной девочкой, Олей, едут туда срочно на похороны на машине...

Вот... А возвращаясь с похорон с среду вечером (было темно уже, шел дождь такой противный и сильный), Светку, сидевшую за рулем, вынесло на встречную полосу, развернуло машину и прямо в бок, с той стороны, где сидели пассажиры – Вера и Оля – влетела на полном ходу Ауди... Верушка – на месте... Оля умерла через 2 часа в реанимации... У Светки сильнейшая травма головы, сотрясение мозга, и сломана ключица... В Ауди ехали три человека – отец, сын лет 13, и мать, на 7-ом месяце беременности... Не смотря на то, что машина всмятку, ни отец, ни сын вообще не получили ни одной царапины... А женщина с открытым переломом ноги, но ребенку вроде бы ничего не угрожает...

Вот так и закончилось «до» и началось «после»...

«Если сейчас будет очень-очень больно, то сожми мою руку так крепко, как только сможешь... Сожми ее и держи... А я буду держать твою... И тоже сжимать до побеления пальцев... Просто чтобы не было так больно... Просто пусть лучше болят сейчас наши руки, чем вырывается наружу сердце, пробивая насквозь душу вместе с грудной клеткой... Сжимай... крепко-крепко, как только можешь...»

– Илюш... Сейчас Володя звонил, Верин брат, очень про-

сил, чтобы ты подъехал к Вере на квартиру... Надо помочь там что-то... что-то сделать, что-то собрать... какие-то вещи... Куда-то звонить... Кому-то что-то говорить... Съезди, пожалуйста... А вечером отвезем с тобой Даниську на дачу, чтобы можно было вдвоем уже везде ездить, заниматься всякими делами... – Надя то плакала в трубку, то впадала в состояние какой-то прострации, то вроде бы успокаивалась, но это было какое-то страшное, не свойственное ей спокойствие, какое-то чужое... не узнаваемое мной по голосу... Да и сам я был точно такой же...

Вообще, я обратил внимание, что горе накатывает какими-то волнами... То вроде бы успокаиваешься, начинаешь трезво и по-делу рассуждать, не суетиться, брать себя в руки и пытаться решать какие-то вопросы, которые как ты сам понимаешь, сейчас кроме тебя одного решить некому... А то вдруг все переворачивается у тебя в голове в течение какой-то минуты и ты сидишь и воешь, размазывая по лицу сопли и слезы... Воешь и не можешь остановиться... Не знаешь, зачем, но все равно воешь... Еще минута... Ты снова берешь себя в руки, не можешь поверить в случившееся... до конца не можешь... Один очень близкий Верин друг Сашка, когда мы возвращались уже с кладбища, взял меня под руку и отвел в сторону...

– Ты знаешь, Илюх, вот такое ощущение, что сейчас раздастся телефонный звонок, я сниму трубку и услышу в ней Верин веселый голос: «А я пошутила!»... И ты знаешь, я да-

же не скажу ей: «Ну и дура!!!»

Вот именно такое ощущение и у меня было все эти дни... И не покидает оно меня и сейчас... Ну не могу, не могу до конца поверить...

(Вообще – вот эти фразы (типа «Не могу поверить») они какие-то риторические и их принято как-то говорить, когда дело доходит до смерти близких... А тут... тут я как-то отчетливо стал понимать, откуда берется такая риторика... Никогда не осознавал, что все эти слова взялись не из ниоткуда, а имеют под собой такое страшное и реальное происхождение... ощущение...)

Я поехал к Вовке на встречу... По дороге встретился с еще одним нашим общим другом Димкой. Наверное, чтобы не было одному очень страшно заходить в квартиру, видеть Вовкины глаза, глаза его жены... Пока ехал по перегруженному дневному третьему кольцу – вспоминал, вспоминал, вспоминал...

В ночь на 25 июля 2003 года я отвез Надю в роддом. Отошли воды, я схватил ее в охапку, засунул в машину и повез рожать нашего Даниську... До самого утра и весь день я не отходил от окон родильного дома, переживал ужасно!... И ни на минуту не клал телефонную трубку – все это время у меня в ухе, в голове, в сердце звучал голос самой нашей лучшей и родной подруги – Верушки. Она просто разгова-

ривала со мной, пыталась как-то успокоить, отвлечь, заговорить меня, одним словом, чтобы я не так сходил с ума, верил в самое лучшее... И в тот момент, когда Даниська появился на свет и я увидел, как врач показывает мне его в окошко, Вера тоже была со мной на линии, точно также, как и я радовалась и прыгала чуть ли не до потолка... А потом она варила бульон из курицы и я отвозил его Наде в баночке...

Вспоминал, как мы давным-давно еще ездили отдыхать на юг... Надя не могла тогда поехать по какой-то причине, и мы поехали на машине отдыхать втроем – Вера, Светка и я. Надя тогда говорила – вот, отпускаю со спокойным сердцем тебя – доверяю Верушке нашей как самой себе... А там на юге, помню, как разболелся у меня дико зуб... И ничего не помогало, никакие обезболивающие... И тогда Верушка села рядом со мной и как маленького ребенка гладила по этой больной щеке всю ночь, до самого утра.. пока я не провалился в блаженный какой-то излечивающий сон... Утром зуб не болел больше вообще!...

Вспоминал, как весело мы справляли всякие дни рождения... А особенно именины!... Ведь «Вера, Надежда...» 30 сентября... А еще же у Нади и сестра родная – Люба. Этот день всегда был очень важен для моих девчонок – это был какой-то объединяющий их очень праздник!...

(Опять вспоминаю, опять пишу и плачу... Не могу остановиться... Наверное, это очень вредно для клавиатуры –

сырость... Наверное, это очень вредно для меня – сырость... Наверное, это очень не понравилось бы Верочке – сырость... Интересно... а есть ли на том свете Интернет?... Есть ли там доступ на Поговорим?... Прочитает ли она все, что я пишу?... Видит ли она меня сейчас, слышит?...

Мы с Димкой поднялись на шестнадцатый Верин этаж... Так обычно поднялись, буднично... Ничего не изменилось в подъезде, ничего не изменилось в лифте, ничего не изменилось на лестничной площадке... Все такой же номер с отлетевшей одной циферкой на двери... Все как всегда, все как сотни и сотни раз, когда мы приезжали сюда все вместе... «в гости»... Только за дверью почему-то вместо Верушки ее брат Вовка... Собранный весь такой, мужественный, крепкий, хорошо держащий себя в руках в такой ужасной ситуации...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.